

КОГДА ЖЕ ПРИДЕТ ОНО - НАСТОЯЩЕЕ?

Казалось бы. все уже сказано, проверено, промерено.

АН нет. Не может человек так просто. Дай ему чего-то такого, за что он еще не держался. Когда их спрашиваешь:

- Чего изволите?

Они, как правило, закатывают глаза и томно выдыхают:

- Вы знаете, хочется чего-то такого, чего-то такого, ну Вы понимаете, чего-то нового. Хочется, чтобы пришло то настоящее, чего еще не было.

Я всегда удивлялся, ну что все чего-то так ждут? А мне отвечали:

- Подожди, подожди. Вот Оно, вот, вот, подожди вот Оно сейчас... тогда поймешь. О нем мы могли только мечтать.

- Ну и где Оно, которое «вот, вот, сейчас»? Честно скажу, мы его никогда не ждали, потому что не верили в него, старались, чтобы нам хватало того, чего не хватало им, тем, которые ждали Его «вот, вот». Оно у нас уже было, просто было, как-то само собой. Может и у них Оно уже было? И даже больше чем у нас, а они этого не понимали и не замечали потому, что всегда ждали, хоть чего, что есть у других.

- Как же так? Все куда-то стремятся, все недовольны, а у Вас все само собой и «без борьбы, и без потерь»? - удивляются они.

Один инженер-конструктор, с всегда голодным кадыком на длинной шее и с выпученными от жажды борьбы глазами, взяв после смены свою «меру», любил довести себя до состояния аналитического прищур, после чего вдумчиво заворачивал окружающих словами:

- Наше время еще придет, мы еще себя покажем.

У всех перехватывало хмельное дыхание, когда он, выдержав паузу, предрекал: «Они еще покаются».

- Ну, что показали? Покаялись? Вот Оно вроде как пришло... Ну и что, как там у Вас с аналитическим прищуром? Или это еще не Оно, или Оно, но не то?

Нам говорили, что Вы делаете? Почему молчите? Сейчас то самое время, когда можно начать.

А мы не понимали. Во-первых, что, значит, самое время, а, во-вторых, что надо начать? Для нас любое время было, во-первых, когда что-то начинали и, во-вторых, когда что-то заканчивали. Да, да то самое, что они только хотели начать, у нас давно началось и продолжается.

Как-то встретил я того конструктора с кадыком. Он сузил, как мог, свои выпученные глаза и твердо произнес:

- Это не конец, теперь Оно точно придет, тогда мы посмотрим, кто на что способен. Вот тогда-то мы начнем по-настоящему. Они нас еще не знают.

Я не выдержал и икнул. А про себя подумал, прости Господи! Вдруг я чего-то не понимаю? Вдруг это «Оно» действительно есть и когда-то придет? Но внутренний голос мне ответил:

- И ты туда же. И тебе это надо? И если надо, то когда оно придет, ты уверен, что оно тебе тогда еще будет нужно?

После этих мыслей мне ужасно захотелось копченой скумбрии. В старые времена ее у одесских берегов было немеренно. И хотя потом она ушла в Турцию, на Привозе ее осталось столько же, т.е. по «скумбрии» начинать ничего не надо, по скумбрии все нормально, все осталось по-прежнему.

А они продолжали нудить.

- Как-то Вы не так живете. Все-то Вы довольны, все-то у Вас хорошо. Даже как-то неудобно перед другими. Вся страна в муках всеобщего неудовольствия, а у Вас вид как из санатория.

- Да! А что?

- Может, Вы что скрываете или тайну какую знаете.

- Не знаю и не скрываю.

- Да врет он, - раздался какой-то утробный голос.

- И не вру.

- А у Вас квартира есть?

- Есть, маленькая однокомнатная.

- А дача?

- Небольшой садовый домик.

- А машина?

- То же маленькая. - Иномарка?

- Нет, «шаха».

- А...., - протянул он и оглянулся, -..."

- Есть, не молодая, зато добрая.

- А в каком банке Вы храните деньги?

- Я не держу деньги в банке.

- А где?

- На бал коне...

- Как на балконе?

- Так, на балконе в картофельном мешке. Пучит на меня воспаленные от удивления глаза.

Сбитый с толку мешком из-под картошки, невпопад упавшим голосом:

- И не боитесь?

- Не боюсь. Тем более, что картошка уже кончилась.

- А баксы?

Пока хватает.

- А если кончатся.

- Открою другой мешок и буду есть картошку.

- И Вы довольны? - смотрит на меня ошалело.

- Доволен.

- А у Вас есть медаль «Защитника роддома имени Матери-героини?»

- Нет.

- А...а, вот видите?! А у меня есть! - торжествует мой собеседник.

- Ну и как Вы себя ощущаете? - настала моя очередь задавать вопросы.

- Готовлю документы на почетное звание «Инвалид битвы за правду». Обещали поддержать, - значительно произнес он.

- Рад, очень рад за Вас, - с чувством сказал я и включил телевизор.

В телевизоре С.Доренко сдержанно сглатывал, что раньше запрещалось, а Е.Киселев вкусно ухмылялся в усы по поводу того, что То Самое, чего так долго ждали, уже пришло. В глазах отборных теледевиц светились искры торжества. А всеобщий любимец-танцор не выдержал и даже запел про голубую Луну.

Зазвонил телефон. Я с трудом заставил себя снять трубку.

- Здравствуйте, - раздалось в ней. - говорят, тетя Соня умерла?

- Да, - невнятно промямлил я, - и что же?

- Как что? - возмутился голос в трубке, - такое несчастье, такое несчастье. Скажите, - продолжил голос, - она действительно умерла?

От этих слов у меня чуть не начался энурез.

- Алло, - возвращала к реальности меня телефонная трубка, - вы все же подите и спросите у самой тети Сони, умерла она или как?

- К черту тетю Соню, - подумал я/ и повесил трубку. - К черту весь бред аналитического маразма и вечно голодного кадыка. К черту вообще все, чего не может понять нормальный, здоровый человек.

Пусть им придет то, чего не хватает, пусть тетя Соня наконец скажет о своем физическом состоянии, пусть, в конце концов, хоть кто-то скажет, чего они вообще-то хотят, когда и сколько. И вообще, действительно они хотят чего или как? Или просто дурачат нам голову?

А то, ведь, когда они получают Его: того (прости, господи, совсем запутали), то окажется, что хотели, не этого, а то, что получили опять не то. И начнется все снова. Все снова дружно начнут хотеть, портить воздух и приставать к покойной тете Соне. И окажется, что, когда плотными рядами все только и ждут чего-то, его просто нет и не будет, потому что Оно уже было и есть сейчас, но Его не замечают. А жалко.